

О Скалдине и его романе

Не удивительно ли, что один из самых острых и ярких романов, написанных в двадцатом веке, более семидесяти лет остается практически непрочитанным, а его автор предан забвению? Именно такая судьба постигла книгу Алексея Скалдина — необыкновенную уже потому, что она представляет собою завершение и эпилог всей русской дореволюционной прозы. Этот роман увлекателен, таинственен, мистичен, независим от привычных литературных традиций, глубок, эстетичен, философичен и сверх всего — это последний шаг прозы серебряного века, последняя ее вершина. Но никогда не переиздававшаяся, эта книга на протяжении лет оставалась известной лишь малой горстке в основном молчаливых ценителей.

Все-таки следует уточнить хронологию, особенно когда речь идет о чем-то самом первом или самом последнем. К тому же роман Алексея Дмитриевича Скалдина содержит предсказание о "надвигающихся событиях". Не были ли они предсказаны постфактум? У нас есть две отправные точки. Во-первых, "Книжная летопись", которая зарегистрировала поступление "Странствия и приключения Никодима Старшего" в Книжную палату между 6 и 13 ноября 1917 года. Во-вторых, — дарственная надпись автора на экземпляре, который он подарил великому поэту: "Дорогому Александру Александровичу Блоку. А. Скалдин". Рукою Скалдина поставлена дата: 20. 10. 17. А в конце книги — тем же почерком: "Адрес автора: Гороховая, 3". Адрес, надо сказать, достопримечательный — как раз напротив дома, в который по выходу книги в свет начала вселяться только что созданная чека. Словом, роман о бесах писался у окна с видом на будущий бестиарий. Роман был закончен в 1917 году. Буквально за несколько дней до Октябрьского переворота он был отпечатан

скромным тиражом (3000 экз.) и, видимо, тут же подарен Блоку, к которому Скалдин относился с истинным пиететом.

Об авторе "Странствия и приключения Никодима Старшего" известно на удивление мало. Родился он на Волге, предположительно в Тверской губернии в семье крестьянина в 1885 году. Пятнадцатилетним подростком попал в Петербург. Устроился рассыльным в крупной коммерческой фирме. Заинтересовался языками, научился читать по-французски, немецки, итальянски, изучал древнегреческий и читал в подлиннике классиков, в особенности же Эсхила. Одно время занимался в университете, но неизвестно, когда именно и закончил ли курс обучения. Около 1910 года он стал директором той фирмы, в которой начинал мальчиком на побегушках.

К тому же времени относится сближение Скалдина с петербургскими литературными кругами. В начале 1910 года он уже постоянный посетитель башни Вяч. Иванова. Гостивший здесь в течение нескольких недель А. Белый писал в своих мемуарах: "Из частых на башне запомнились Е. Аничков, Бородаевский, Н. Недоброво, Скалдин, Чеботаревская, Минцлова, Юрий Верховский, Пяст..."

Имя Анны Рудольфовны Минцловой в этом списке обращает на себя особое внимание. Говорили, что она — антропософка, последовательница Штейнера. Сама же она утверждала, что не может быть последовательницей, ибо равна Штейнеру. Как и Минцлова, вскоре ставшая духовной наставницей Вяч. Иванова. Скалдин был мистик, и этого нельзя не иметь в виду, читая "Странствия и приключения Никодима Старшего". Десятые годы ознаменовались мощной волной мистицизма в России, и литература серебряного века оказалась в известной степени причастной к подъему этой волны, ее размаху и энергии. "Поэзия символистов, — писал редактор "Аполлона" С. Маковский, — искала выход в мистике посвячительного знания. Она тяготела к своего рода ... жречеству, не литературному только, а действительному. Поэты зачисляли себя в ряды — кто масонов, кто штейнеровцев, кто мартинистов. Вячеслав Иванов, несомненно, принадлежал к тайному обществу..."(1). К эзотерической группе

принадлежал и Скалдин, хотя данные, которыми мы располагаем, не позволяют с несомненностью сказать — к какому именно.

Скалдина связывала с Вяч. Ивановым (наиболее культурным человеком в России, по словам Бердяева) многолетняя дружба. Благодаря Иванову Скалдин сразу же вошел как "свой" в избранные литературные круги и свел знакомство со многими посетителями "башни" на Таврической улице, сближаясь, однако, по большей части с теми, кто был от природы расположен к поиску посвятившегося знания. На А. Белого он произвел неизгладимое впечатление.

Через два года Белый писал Блоку о необходимости сближения "немногих" москвичей и петербуржцев. "Этими немногими считаю Тебя, Вячеслава, Пяста, Скалдина". И затем он добавил еще три имени с оговоркой: "Может быть, Недоброво, может быть, Суннерберга, Аничкова" (2). Описывая свою жизнь на башне, А. Белый вспоминал в "Начале века", что к нему постоянно "забегали" Пяст, Княжнин, Скалдин.

К тому же периоду относится и знакомство с Блоком. Скалдин собирался прочитать в Религиозно-философском обществе реферат под названием "Идея нации". Совет общества забраковал доклад как "реакционный". Блок же был удивлен глубиной мысли в этой рукописи Скалдина и дважды прочел доклад. Идеи Скалдина он назвал открытием. И в этом для него состояло принципиальное различие двух родов мысли. В одном случае творческий человек, размышляя, создает нечто — пусть новое, но оно является лишь созданием ума. Во втором случае человеческий разум открывает то, что есть. Блок придавал значение этому различию между тем, что "открыто" и тем, что "создано". Вскоре Блок написал матери: "На днях у нас очень долго просидел Скалдин — совершенно новый и очень интересный человек" (3).

Тем не менее Скалдин не стал близким другом Блока, какими были на протяжении времени Пяст или Городецкий, Евгений Иванов или Зоргенфрей. Как и многие современники, Скалдин переоценивал мистические интересы Блока, хотя сам Блок в своих письмах, а возможно, и в разговорах со Скалдиным, давал ему

понять, что они живут в смежных, но все-таки отделенных реальностях. С большим опозданием посылая ответ на одно из писем Скалдина, Блок признается: "Не отвечаю я Вам потому, что нахожусь совсем в другом круге идей и переживаний, чем те, о которых говорит Ваше письмо, для меня дорогое" (4).

Впрочем, встречи, хотя и нечастые, продолжались, и Блок имел возможность наблюдать рост этой незаурядной личности. О многом может нам сказать, например, лаконичная запись от 15 ноября 1912 года в дневнике Блока: "Скалдин (полтора года не виделись) совершенно переменился. Теперь это — зрелый человек, кующий жизнь. Будет крупная фигура" (5). Такое же впечатление он оставлял и в других людях, с которыми готов был держаться более открыто. Зная его на протяжении семи лет Г. Иванов вспоминал о нем: "Человек он был расчетливый, трудолюбивый, положительный. Если Россия действительно когда-нибудь будет крестьянской республикой, такие, должно быть, будут в ней министры и по внешности и по складу ума... Эсхил в подлиннике Эсхилом, но это так, посторонне, форма. Главное же — "свое", с Волги, где купцов рубят топором и спасаются в скитах и продают (вот те крест!) тухлую рыбу с барышом. Все это было собрано в С., как в фокусе, хотя держался он европейцем, порой даже утрируя" (6).

Знакомство Скалдина и Г. Иванова состоялось в марте или начале апреля 1911 года. Встретились они в редакции литературного журнала "Гаудеамус", в котором оба печатали свои стихи. Журнал выходил под редакцией Владимира Нарбута, будущего акмеиста, друга Н. Гумилева. Среди поэтов, печатавшихся в "Гаудеамусе" была и Ахматова. Скалдина как поэта высоко ценили в "Гаудеамусе". Его стихи, — писал Г. Иванов, — все хвалили, о нем самом никто толком ничего не знал, в редакции С. показывался очень редко и мельком".

Скалдин фактически жил в трех отделенных друг от друга мирах: в деловом, литературном, эзотерическом. Два последних все же соприкасались на башне, где Скалдин продолжал бывать. В остальном же это были хорошо отгороженные друг от друга три круга общения. С Г. Ивановым его связывали чисто

литературные интересы. Когда Г. Иванов уезжал на лето из Петербурга, связь поддерживалась перепиской. Письма хранятся в ЦГАЛИ. Куцый отрывок одного из них вошел в "Литературное наследство"(7). По нему можно судить о характере этой корреспонденции — откровенной, но вполне сосредоточенной на литературе.

Несмотря на разницу в возрасте, влияние было взаимным. Г. Иванов свел Скалдина с эгофутуристами. Этим и объясняется, почему редко печатавшийся Скалдин вдруг опубликовал стихи в "Орлах над пропастью" — альманахе эгофутуристов, вышедшем в ноябре 1912 года. С другой стороны, у Г. Иванова, гораздо более одаренного поэта, находим подражание "неоэллинизму" Скалдина:

А. Д. Скалдину.

Осени пир к концу уж приходит:
Блекнут яркие краски.
Солнце за ткани тумана
Прячется чаще и редко блистает.

Я тоской жестокой изранен,
Сердце тонет в печали.
Нету со мною любимой
Ах! Не дожидаться мне радостной встречи.

Ропщет у ног прибой непокорный,
Камни серые моя.
Тщетно я лирные звуки
С злобной стихией смиренно сливаю.

Не укротить вспененной пучины,
С ветром спорить — бесцельно.
Страсти бесплодной волненья
В сердце моем никогда не утихнут.

Осени пир к концу уж приходит,
Сердце тонет в печали.
Слабые струны, порвитесь!
Падая на камни, бессильная лира...

Свидетельство об этой дружбе находим и в дневнике Блока: "18 ноября 1911... днем пришел Георгий Иванов (бросил корпус, дружит со Скалдиным, готовится к экзамену на аттестат зрелости, чтобы поступить в университет)". В это время Г. Иванов переживал пору увлечения стихами Игоря Северянина и сам состоял в кружке эгофутуристов. Скалдин же печатался в самых разных изданиях, видимо, пренебрегая всевозможными групповыми ограничениями и перегородками. Его стихи появлялись под одной обложкой вместе со стихами символистов, эгофутуристов и акмеистов. Он печатался в "Аполлоне", "Сатириконе", "Орлах над пропастью", "Альманахе муз". Стихи неровные. Ранние, в которых слышится неокрепший, но свой собственный голос, порой лучше более поздних. Вот одно из его стихотворений, напечатанных в "Аполлоне" в 1910 году:

Осень

Здравствуя же, убогая, воспетая отчизна!
Облака и просини осенним днем светлей.
Тяжкая таится укоризна
В немоте обветренных ветвей.
Порудели травы по дороге.
Вещее поет в пастушьем роге.

Кровию Христовых ран окроплена брусника,
Но—убогий—слов Твоих не слышу, Спасе моя,
Скорбного окрест не вижу Лица...
Гладь реки колышет лист сухой
И беззвучно стелется по брегу.
Песнь зовущую пою я снегу.

В 1912 году вышел в свет тиражом 500 экземпляров единственный поэтический сборник Скалдина "Стихотворения (1911-1912)". Представляется возможным определить дату публикации точнее: первая половина ноября. Через несколько дней после выхода книги (а может, и в тот же день) Скалдин был у Блока и подарил ему свои "Стихотворения", написав на форзаце: "Дорогому Александру Александровичу Блоку. А.

Скалдин. 15 ноября 1912 г. СПб." Насколько Блок был под впечатлением от незаурядной личности Скалдина, пожалуй, настолько же не был впечатлен его стихами. На одном из заседаний Общества ревнителей художественного слова в отсутствие Скалдина читались его стихи. Пренебрежительно-иронически отозвался о стихах Кузмин; упорно защищал их Вяч. Иванов; когда же обратились к Блоку с просьбой высказаться, он с обычным лаконизмом ответил: "Мне не нравится", — и отказался что-нибудь прибавить в объяснение своей оценки"(8).

Мало в чем сходящийся с Блоком в отношении к поэзии Гумилев также высказался о стихах Скалдина негативно. Он писал в "Аполлоне": "А. Скалдин в своих стихах — двойник Вячеслава Иванова... Это не ученичество, иногда столь полезное. Настоящий ученик всегда приходит к учителю со своим содержанием, в его видимой покорности всегда видим задор будущего освобождения ... В книге нет ничего ... что заставляло бы поверить в него как поэта. Но он недурной версификатор и подсмотрел кое-что в лаборатории Вячеслава Иванова"(9).

Отзыв, безусловно, суров. В своей оценке Гумилев применил ту же высокую меру, что и к стихам Кузмина, Вяч. Иванова, Блока да и к своим собственным. Нет сомнения, что к Скалдину как поэту эта мерка неприменима. Все же он относится к тем малым поэтам, у которых мы всегда чувствуем живой трепет эпохи. Даже и теперь, читая его (с трудом находимый и прекрасно изданный) сборник стихотворения, мы видим, что несколько из них достойны того, чтобы остаться в антологии русского серебряного века. Его учитель в поэзии, Вячеслав Иванов, писал в одном из своих стихотворения: "Открыта в песнях жизнь моя". Открыта ли она в стихах Скалдина? Лишь в очень малой степени. Для русского сознания стихи поэта и его судьба нераздельны. "Жизнь сочинителя, — писал Герцен, — есть драгоценный комментарий к его сочинениям". Отнюдь не так у Скалдина-поэта и именно так у Скалдина-прозаика. Зная хотя бы отчасти биографию Скалдина, мы гораздо глубже можем прочесть его глубокий роман. Но читая стихи Скалдина и желая найти при этом "драгоценный комментарий" к его личности, мы остаемся

неудовлетворенными. Все-таки это стихи прозаика, наделенного вкусом, знакомого с образцами мировой поэзии, изобретательного в приемах — но стихи прозаика.

Лишь иногда в этих строчках сверкнет что-то личное:

Пишу стихи, как зажигаю свечи
Пред образом, в тиши благоговейной.

Или: "Знамения тайных всегда на путях непройденных мы ищем". Для истинного поэта он слишком холоден, спокоен и мало лиричен:

Дифирамбического хмеля
Я, осторожный, не вкушу.

И в другом стихотворении в том же ключе о самом себе — чье сердце, будто светлый лед, "Я тверд и сух", но "в этом пестром для многих мире взором острым я вижу глубь". Или этот моментальный набросок своей внутренней жизни, сокрытой от постороннего взгляда:

Сокрыт и кладен, но кипуч
Опять бурлит прозрачный ключ.

По своей философской и эстетической направленности его стихи — религиозный символизм. В области формы он консервативен. Он не столько ищет, сколько использует готовые формы древнегреческих ямбов или европейской баллады, а из российского наследия берет готовые фольклорные ритмы — из песни, былины или заплачки. Примечательно его пророчество — в сонете о Петербурге, посвященном Андрею Белому: "Но здесь не прорастет свободы семя". К этому времени роман Белого "Петербург" еще не был опубликован. Осенью 1912 года лишь велись переговоры о его издании. Тогда же и был написан посвященный А. Белому сонет "Каменные бородачи", по-видимому, Скалдин был знаком с "Петербургом" еще до его выхода в свет.

Одно из лучших стихотворения сборника посвящено большому и по существу недооцененному поэту-современнику Василию Комаровскому, которого (правда, короткое время) Гумилев считал лучшим из символистов.

Гр. Вас. А. Комаровскому

Яблоки шлю я тебе на простом нерасписанном блюде.
Дар небогатый прими. После оценишь его.

Разные рядом легли, отражаясь в белой поливе,
И многоцветна игра. Ты погляди и приметь.

Первое нежно сквозит, налитое желтеющим соком.
Будто бы липовый мед сердце его напитал.

Белый другого бочок зазелелся от щедрого солнца,
Ровно девичье лицо нежным румянцем горит.

Третье же яблоко все в розоватых разорванных
жилках;
Тут же и белая налив яблонь любимых моих.

А напоследок кладу два антоновских, крепких,
зеленых.
Кислы? Ну что же - не ешь. Лучше письмо дочитай.

Краски и кисти возьми. На окошко поставив посылку,
Прочь занавеску откинь, солнцу окно отвори.

Чистой бумаге поверь многоцветную таяну природы.
Строго, спокойно смотри. Солнце поможет тебе.

1912

Самой же удачной во всем сборнике является поэма — не короткие стихотворения, а именно поэма, в которой имел возможность развернуться талант эпического повествователя, каким и был Скалдин по роду своего писательского дарования. Это "Сказание о гибели города", написанное так называемым

русским гекзаметром и посвященное Алекс. Ник. Чеботаревской — более, чем что-либо в поэтическом сборнике Скалдина выражает его мистический идеал тайноведения и служения.

... О гибели темная повесть
Нам в назиданье осталась. Прослушавши с толком,
ищите
Сами значенья ее. Кто ищет — тот обретает.

Речь в поэме идет о чужестранце, попавшем в богатый торговый город и долгие годы сидевшем на цепи в городской темнице. "Целыми днями стоял на коленях, моляся". И затем:

Бог в пророки избрал изможденного старца в темнице:
Судьбы грядущие города тайно ему Он поведал.

О катастрофе, грозящей городу, о своем провидении близкого будущего он сообщает тюремщику. Весть о надвигающейся катастрофе, принесенная в город тюремщиком, оставляет народ безразличным. Никто не верит в прорицания. Но когда "исполнились сроки", случилось все в соответствии с предсказанием: извержение вулкана, землетрясение, гигантские морские волны. Все погибли, в живых остался только старец.

Старец, ведомый
Верной рукою, влача за собою тяжелые цепи
К берегу утром спустился; нашел уцелевшую лодку.

Когда он, наконец, приплыл к селению и рассказал о случившемся, его слушатели приняли его за сумасшедшего. Остаток жизни он провел в пустыне и по прошествии времени —

Люди прослышали. Стали стекаться к нему за советом.
Кротко им старец твердил: "Молитесь, дети,
Пречистоя,
Чтобы очистила сердце и очи. Раскроются тайны..."

Сюжет поэмы вполне соответствует интересам и представлениям петербургских символистов, их пониманию теургической роли искусства. Что все-таки отличает эту поэму от обычной "продукции" символистов — это введение третьей силы как действующей силы истории. Да, в истории действует Провидение и люди (толпа и индивидуальность), но вместе с тем — и духи. Они участвуют в исторических событиях и конкретных людских судьбах. Уже первый греческий философ — Фалес Милетский говорил: "Все полно духами". Именно этот аспект миропознания отличает мистицизм от любой другой немистической философии, религии, идеализма. Этот же мотив роли духов в человеческой судьбе и в судьбе нации Скалдин использовал более развернуто в своем романе "Странствия и приключения Никодима Старшего".

"Стихотворения" Скалдина вышли в издательстве "Оры", устроенном Вячеславом Ивановым еще в 1907 году. Издательство выпускало книги тесного круга людей, близких Вячеславу Иванову: Зиновьевой-Аннибал, Бородаевского, Верховского, Кузмина, Блока, Городецкого, Ремизова, Чулкова и, конечно, книги самого Вячеслава Иванова. Собственно "Оры" — это и был Скалдин, работавший в этом издательстве, хотя нам и неизвестно, с какого именно времени. Когда осенью 1912 года Вячеслав Иванов жил в Риме, он отправил рукопись своего сборника "Нежная тална" в Петербург Скалдину. В конце 1912 года книга уже была издана под его присмотром. В своем письме в стихах Вяч. Иванов писал ему из Италии:

Я был далече. Этих песен ты вверял
Станку печатному листы:
А друг, смутясь, и враг, ликуя, повторял
Ползучия шопот клеветы.

.....
Ты негодуешь? Презирать придет пора;
Пора другая - сострадать.
Впервые ль видишь искаженным лик добра
И в грязных тернах благодать.

Это не вполне понятное без комментариев стихотворение поясняет прожившая с Вячеславом Ивановым многие годы Ольга Дешарт: "В Петербурге ходили сплетни и пересуды по поводу брака В. И. с Верою... За время отсутствия В. И. пересуды становились все обиднее, переходили в неприличную, чудовищную клевету. О них оклеветанный ничего не знал. Когда В. И. осенью решил напечатать "Нежную тайну", он направил рукопись Алексею Дмитриевичу Скалдину, работавшему в изд. "Оры". Скалдин, поклонник и верный друг В. И., прочел присланные стихи, увидел среди них доверчивое обращение к самому зловредному клеветнику, возмутился, сообщил поэту имена врагов и предложил опустить те стихи"(10).

Сборник стихов самого Скалдина не принес ему известности. Гумилев, к критическим выступлениям которого уже прислушались и союзники и противники, написал очень негативную рецензию. Втайне она была направлена против эстетики Вяч. Иванова, но внешне и явно и, надо сказать справедливо, обрушена была на Скалдина. Что же касается Вячеслава Иванова, знавшего Скалдина дольше и лучше, то он ни в какой мере не утратил веры в него как в талантливого человека. Он писал Брюсову: "Посылаю ... изданную "Орами" книжку Скалдина; надеюсь, что ты согласишься со мной, что он даровит и делен; если же так, при случае литературно ему помоги"(11).

Это письмо датировано 1913-годом, когда Скалдин стал сотрудником журнала символистов "Труды и дни". Журнал был задуман как издание для немногих. Цель его, по словам А. Белого, состояла в том, чтобы сблизить лучших мыслителей Москвы и Петербурга. Именно благодаря этому частному характеру издания, журнал сумел сохранить исключительно высокий уровень теоретической мысли, не пытаясь популяризировать или идти на компромиссы с широкой публикой. Один из главных сотрудников этого журнала, Вячеслав Иванов, любил повторять слова Генриха Гейне: "Мы издеваемся над тем, чего не понимаем". Символизм же по своей природе сродни посвятившему знанию. Это убеждение разделял и Скалдин.

О его литературных связях в годы перед революцией известно нам немного. Отчасти причина тому — его образ жизни. В литературных кругах он появлялся лишь спорадически: появлялся и пропадал надолго. В какой-то, видимо, слабой степени он был связан с Академией стиха, но несколько чаще его видели на собраниях другого петербургского литературного кружка, так называемого "Общества поэтов", в обиходе именуемого "Физой".

О составе кружка некоторое понятие дают воспоминания Пяста: "Ряд новых или временно отошедших от "поэтической работы" имен выступали в собраниях Общества поэтов: тут бывал и проводивший о ту пору некоторое время в Петербурге ... Борис Садовская; тут стал чаще появляться А. Д. Скалдин; тут неизменно присутствовал В.Н. Княжин; всегда бывала Ахматова... Понятно, Георгия Иванов, Георгия Адамович, М. Зенкевич, затем кружок близко стоявших к Н. В. Недоброво поэтов..."(12).

Некоторое понятие о литературных связях Скалдина в эти предреволюционные годы дают нам сведения о его участии в литературных сборниках "Война в русской поэзии" и "Альманах муз", вышедший в 1916 году в издательстве "Фелана", в котором через год опубликован был роман "Странствия и приключения Никодима Старшего". (Впрочем, на титульном листе издательство не указано — о нем мы можем узнать из "Книжной летописи" за 1917 г.). Первый из названных альманахов был подготовлен к печати Анастасия Чеботаревская, женой Ф. Сологуба, на квартире которого по четвергам собирался литературный Петербург. Скалдин бывал у Сологуба, знакомство длилось много лет. Встречались они и после революции. Следует, между прочим, отметить некоторый параллелизм романа Сологуба "Мелкий бес" и романа Скалдина, который, перефразируя, можно было бы назвать "Крупный бес".

Вторая из упомянутых альманахов — "Альманах муз" — включивший семь стихотворений Скалдина, вышел в 1916 году. В большинстве своем его участниками были поэты, которых Скалдин знал лично: Анреп, Ахматова, Гедройц, Герцык, Гумилев, Г. Иванов, Кондратьев, Кузмин, Недоброво, Пяст и др.

Во время Октябрьского переворота Скалдин жил в Петрограде. Во всяком случае об этом свидетельствует Г. Иванов в своих кратких и очень красочных воспоминаниях о Скалдине. В октябре Скалдин подарил свой роман Блоку, указав, что дарственная надпись на книге была сделана им именно в Петрограде. Г. Иванов встретил его в 1918 году. Это была их последняя встреча. "Я шел по Карповке вечером. Было темно и пусто. Навстречу мне попался человек. Шел он как-то покачиваясь. Шляпа его была на затылке. Поравнявшись, я узнал С. Я ему очень обрадовался, он, кажется, тоже. — Где ты пропадал? — спросил я. — Все время здесь в Петербурге. — Что ж тебя нигде не было видно? — спросил я. Он покачал головой неопределенно. — Так...где ж теперь видится...Зайдем ко мне...Дом был очень роскошный, но швейцара не было, лифт не действовал, электричество не горело. Мы поднялись на третий этаж. С., не раздеваясь, вел меня через какие-то неосвещенные комнаты. Иногда он чиркал спичкой, и видны были зеркала, огромные вазы, картины, стекляшки старинных люстр. Квартира была, по-видимому, очень большой и пышно обставленной. Холод стоял нестерпимый. Наконец — резкая перемена температуры — камин, полный пылающих поленьев. С.зажег свечи в большом канделябре. Я сразу узнал его, — это был **тот самый** канделябр... — Узнаешь? — спросил С. с улыбкой, точно угадав мои мысли. Он снял свое потертое пальто. В пиджаке он имел прежний вид, разве немного похудел. — Хочешь чаю? или вина — у меня есть.

— Почему ты спросил "узнаешь"?

— Так ведь ты узнал канделябр. Зачем ломаться?

— Узнал. И раз ты сам об этом заговорил, может быть ты теперь мне расскажешь, что все это значило?

— Ну, что там рассказывать. С. помолчал. **Показать** тебе, если хочешь, могу кое-что. А рассказывать нечего. Да ты и не поймешь, все равно.

Мы выпили подогретого Нью. Разговор наш как-то не выходил. Поговорили о большевиках, о том, что нет хлеба, о стихах. — обо всем одинаково вяло.

— Что же ты хочешь мне показать? — спросил я.

— А... ты об этом? Стоит ли? Во-первых — чепуха, я убедился. Да и ты мальчик нервный, еще испугаешься.

— Что за страхи? Ты меня мистифицируешь! Показывая, раз обещал.

— Ну, изволь. Только уговор — объяснения не требовать.

С. достал из ящика бюро простую глиняную миску. Потом вышел, вернулся с кувшином воды и налил миску до краев. Потушил все свечи. Камин ярко горел.

— Ну, — С. взял меня крепко за локоть, — гляди.

— Куда?

— В воду гляди. . .

Я с недоверием стал глядеть в воду. Вода, как вода. Он меня морочит. Я хотел это сказать, но вдруг мне показалось, что на дне миски мелькнуло что-то вроде золотой рыбки. С. крепче сжал мою локоть. — Гляди! — Вот в воде снова что-то мелькнуло, потом, как на матовом стекле фотографического аппарата, обрисовались какие-то очертания, сначала неясно, потом отчетливей. . . Я вздрогнул. — Это столовая С. в его старой квартире. Стол накрыт, как в тот вечер, — золотая посуда, цветы, канделябр с оплывшими свечами. И я стою в дверях, подхожу к столу, осматриваюсь, трогаю крышку блюда. . .

. . . Резкий свет, и все пропало. Это электрическая станция на радость (и на беспокойство — вдруг обыск) советским гражданам включила ток. Огромная люстра на потолке засияла всеми свечами.

— Тсс . . . — остановил меня С. — Помни уговор. Потерпи. Другой раз я покажу тебе что-нибудь поинтереснее.

Но не только что-нибудь "поинтереснее", но и самого С. мне увидеть не удалось. Через два дня я получил от него записку: — "Не приходи ко мне, у меня на квартире засада, из Петербурга приходится удирать"...(13).

В двадцатые годы Скалдин жил в Царском Селе, переименованном в Детское. Дошло до нашего времени несколько свидетельств о том, что он посещал "последний царскосельский салон", который был явным анахронизмом, островком культуры и духовности в море жестокости, безразличия и

угнетенности. Собирались у Валентина Кривича, поэта, мемуариста, сына И. Анненского. "В Анненском-Кривиче прочно связались в единое целое хорошие литературные традиции, сокрушительное острословие, "вечера Случевского" и ранний "Аполлон", — писал об этих вечерах один из регулярных посетителей. — Сохранил он сочность чувств и военную выправку, — опекун рукописных писателей, амфитрион литературных чаепития, кладезь анекдотов и рог сатирического изобилия, энтузиаст русского слова и верный блюститель "заветов милой старины"(14).

На встречах бывали жившие в Царском Ф. Сологуб, Иванов-Разумник, Рождественский, Петров-Водкин, Алексей Толстой, Э. Голлербах. "Но салон просуществовал недолго. В один прекрасный день явился агент чека, переписал фамилии всех посетителей и долго со скрытой угрозой допрашивал, зачем и для чего собираются. Салон закрылся. Продолжать было бы слишком большим риском"(15).

Неизвестно, что в эти годы писал Скалдин, но печатал — для заработка — маленькие детские книжки. В 1929 году вышла 14-страничная "для детей младшего возраста" книжка "Чего было много", в 1930 — "За рулем", в 1931 — "Колдун и ученый". Были, кажется, и другие.

О дальнейшей его судьбе несколько строк находим в книге Иванова-Разумника "Тюрьмы и ссылки": "Арестованный за народнические симпатии (отец был крестьянин) и за знакомство со мной, Скалдин тщетно доказывал следователю, что никаких симпатий к народничеству не питает, хотя и живет в Детском Селе, в двух шагах от "главного идеолога народничества", но не был у него полтора или два года...Скалдин отправился на пять лет в ссылку в Алма-Ату"(16). В другом месте в той же книге приводится и дата ареста: январь 1933 года. О последнем десятилетии его жизни совсем ничего неизвестно.

Когда переиздаваемый нами роман приобретет подобающую ему известность и признание — а это непременно случится — о Скалдине разыщут много новых фактов. Тем более, что есть где искать — например, в архивах Г. Иванова и В. Кривича. А пока

приходится удовлетвориться этой, весьма краткой, однако самой первой когда-либо написанной биографией выдающегося писателя.

Недавно автору настоящего предисловия довелось испытать приятное чувство, какое мы испытываем, найдя сотоварища или союзника по убеждениям. Эмигрантский писатель Борис Фальков — один из немногих читавших роман Скалдина — сказал о нем в интервью журналу "Стрелец": "Уверен, что книга эта отмечена гениальностью". Интервью заслуживает того, чтобы процитировать его полнее: "...или вот замечательный писатель Скалдин. Последний, к сожалению, ничего не говорит подавляющему большинству читателей. Собственно, мне тоже лишь повезло: я его узнал благодаря чистой случайности. Его книжку я обнаружил в библиотеке племянницы Аскольдова...Ея уже около ста лет. Скалдин принадлежал к кругу петербургских философов, частенько заходил в дом Аскольдова. И он, и Флоренский, кажется, отзывались о Скалдине с большим пиететом. Аскольдов однажды выразился про Скалдина: большая голова. Мое мнение: из романа, попавшего мне, следует то же...По-моему, его следует переиздать".

"Стрелец": А где и когда он был опубликован?

Фальков: В Петрограде, в феврале(???), кажется, 1917 года. Уверен, что книга эта отмечена гениальностью. Там много сделано впервые. Например, абсурдистские принципы, вошедшие в обиход в Европе куда позже. Затем перенесение в прозу драматических методов, в частности, отсутствие мотиваций... Психология и поступки его типажей абсолютно лишены архаики девятнадцатого столетия... Скалдин был действительно голова, и я пытался многому у него научиться"(17).

Отсутствие мотивация, о которой говорится в цитате, — кажущаяся. Роман многослойный, и многое зависит от того, на каком уровне мы его читаем. Для всеобъемлющего прочтения нужен ключ. Но книга построена так, чтобы читатель сам дал название этому ключу: "Как бы назвать этот ключ? — подумал Никодим, но не подыскал названия, хотя оно и вертелось у него на языке"(стр.330).

Тема романа — превращение человека в беса. Каждая следующая глава соответствует определенной стадии мистерии. Главный герой живет в мире многократно отраженных двойников. "Никодим Старший" с захватывающим интересом может быть прочитан и без проникновения в разветвленную символику этой книги. При таком чтении, конечно, будет утрачен ряд подробностей, но занимательность сюжета, необычность характеров, загадочность событий, выпуклость изображения — все это остается с нами. А сверх того — ладный, добротный, искусный русский язык, на каком уже давно никто не пишет.

Если же мы хотим понять символизм ситуаций и подробностей (ведь здесь даже имена символичны), нам нужно проникнуть во второй план этого повествования, ибо оно ведется на двух планах: бытовом и мистическом. Творческий метод автора — мистический реализм, отчасти родственный русским символистам. Многие символисты лишь догадывались о том, что Скалдин з н а л. На втором плане мотивировка персонажей — натурфилософская и мифологическая, а не психологическая и социальная, как это бывает обычно. В основе приключения лежит мысль Никодима, что убить человека в сущности легко. Мысль кажется ему безобидной тем более, что сам он человек незлобивый, не мстительный и воспитанный. Но эта мысль является семенем, из которого развивается характер, а характер и наследственность Никодима, как магнит, привлекают к нему особенную судьбу. Мысль Скалдина заключается в том, что человеку, в конце концов, дается то, что он поистине любит. Никодим полюбил исчадие темных сил, и путь к предмету любви становится равным судьбе.

Внимательный читатель отметит определенное сходство "Никодима Старшего" с "Мастером и Маргаритой" Булгакова, памятуя, что Булгаков взялся за свой роман позднее и, наверное, будучи знакомым с произведением Скалдина. Но у Скалдина, в отличие от Булгакова, отсутствует типичная для русской литературы социальная критика. Зато другая типичная у нас — историософская тема — намечена очень тонкой прерывистой линией. Герой романа Скалдина добивается всего, к чему тайно

или явно стремился. В достижении своей цели он обязан своей судьбе, но также и замыслам тех темных сил, которые боролись за него до конца, чтобы заполнить образовавшуюся в их рядах брешь. Только на последней странице мы узнаем, кто главный дьявол в этой дьяволиаде. И только на последней странице мы понимаем смысл предсказания о "надвигающихся событиях", при которых уже не только Никодим, но и целая страна станет игрищем бесовских сил. М. Булгаков в своем романе пронизательно интерпретировал уже случившееся в его стране. Скалдин же — в одном из подтекстов своего романа показал сушность надвигающейся российской катастрофы.

Вадим Крейд
6 марта 89 г.

Примечания

1. Сергея Маковский. "Вячеслав Иванов в России". — "Новый журнал", №30, 1952, с.140.
2. Александр Блок - Андрей Белый. Переписка. М., 1940, с.288
3. А. Блок. Собр. соч. в 8 тт., т.8. М.-Л., 1968 (письмо от 8 апреля 1910)
4. Там же, стр. 315-316
5. Там же, т.7 (дневниковая запись от 15 ноября 1912 г.)
6. Георгия Иванов. Петербургские зимы. Париж, "Родник". 1928(См. только указанное здесь первое издание).
7. "Литературное наследство", т. 92, кн.3 (Г. В. Иванов - А. Д. Скалдину. Письмо от 16 августа 1914 г.)
8. Василий Гиппиус. От Пушкина до Блока. М.-Л., 1966.
9. "Аполлон", №3, 1913, с.74-76
10. Вячеслав Иванов. Собр. соч., т.1. Брюссель, 2 1971, с.138.
11. "Литературное наследство", т.85, с.536.
12. Владимир Пяст. Встречи. М. "Федерация". 1929. с.211-212.
13. Георгия Иванов. Петербургские зимы (первое издание), с.97-98.
14. Э. Голлербах. Город муз. Изд. "Лев", (репринт), с.165-166.
15. Л. Ростовцева. "Еще о Царском Селе - "городе муз". (цитируется по авторской машинописи).
16. Р. В. Иванов-Разумник. Тюрьмы и ссылки. Изд. им. Чехова, 1953, с. 137-138
17. Интервью с Борисом Фальковым. - "Стрелец". №7, 1988. с.39-40.